НУЖНА ЛИ КАТЕГОРИЯ «НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ?

Ростокинский А.В., Школа Права Института Права и Управления ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, Российская Федерация, arostokinskiy@yandex.ru

Ермаков А.А., Образовательное частное учреждение дополнительного образования «Учебный Центр «Амулет», г. Москва, Российская Федерация, 3886527@bk.ru

В работе рассмотрен вопрос о целесообразности включения термина «направленность преступления» в категориальный аппарат науки уголовного права, законодательство и правовые акты высших судебных инстанций, организационно-распорядительные и инструктивно-методические документы правоохранительных органов. Аргументирован вывод о том, что, несмотря на сложности в толковании и применении этой категории, вызванные отсутствием ее универсального определения, она необходима как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Ключевые слова: направленность преступления, уголовно-правовая категория, преступления коррупционной направленности, характер преступления, практическая и теоретическая потребность.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-106-110

UDC 343

DOES THE CATEGORY OF “FOCUS OF THE CRIME” IN CRIMINAL LAW?

Rostokinsky A.V., School of Law Institute of Law and Management GAOU VO Moscow city pedagogical University, Moscow, Russian Federation, arostokinskiy@yandex.ru

Ermakov A.A., Educational private institution of additional education «Training Center "Amulet"», Moscow, Russian Federation, 3886527@bk.ru

In the paper, the question of the appropriateness of including the term “crime focus” in the categorical apparatus of the science of criminal law, the legislation and legal acts of the highest judicial instances, organizational, administrative and instructive documents of law enforcement agencies is considered. The conclusion is argued that despite the difficulties in the interpretation and application of this category, caused by the lack of its universal definition, it is necessary both from a theoretical and from a practical point of view.

Key words: orientation of the crime, criminal law category, corruption offenses, nature of the crime, practical and theoretical need.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-106-110

Как известно, в научном и практическом обиходе среди специалистов в области уголовного права активно используется категория «направленность преступления». Такое применение оправдано закреплением данного термина непосредственно в тексте УК РФ^{*} при отсутствии дефиниции, позволяющей четко установить содержание этого правового явления. Соответствующих определений о том, что под ним надлежит понимать, нет и в актах правоохранительных органов (судов), которыми эта категория активно используется и воспринята как один из критериев при формировании статистической и иных видов отчетности по результатам работы, обобщения и анализа судебно-

следственной практики^{**}. В силу сложности и многоплановости проблема направленности преступления по-прежнему остается дискуссионной среди криминологов и теоретиков уголовного права [1, 2, 3]. Из-за разночтений этим понятием в насто-

^{*} Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 2 авг. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

^{**} См., например: Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апр. 2017 г. № 65: в ред. от 30 мая 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Состояние преступности в России. Раздел «Общие сведения о состоянии преступности» за январь-июль 2019 года. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 13.09.2019).

ящее время охватывается достаточно широкий спектр уголовно наказуемых деяний [4, 5, 6]. Кроме того, данная ситуация привела к сложностям при решении вопроса об обоснованности и уместности ее употребления в тех или иных случаях, а неясность юридической природы – к постановке вопроса о целесообразности включения означенного элемента в систему понятийного аппарата науки уголовного права.

Полагаем, что при введении рассматриваемого термина в УК РФ законодатель сделал первый шаг для определения и конкретизации общих признаков групп преступлений, чья специфика не может быть в полной мере отражена прежним категориальным аппаратом.

Необходимость употребления направленности преступления объективно обусловлена интенсивным комплексным законодательным регулированием наиболее значимых сфер общественных правоотношений, таких как противодействие экстремизму, коррупции, терроризму, экономическим и экологическим преступлениям [7], которые носят как внутрироссийский, так и транснациональный характер [8], в связи с чем нельзя игнорировать неизбежное внешнее влияние на развитие уголовной науки и законодательства при наличии существенных отличий в значении уголовных категорий. В частности, известная отечественная четырехэлементная конструкция «состава преступления» в германском праве определяется как «состав деяния» (*Tatbestand*) [9] при различии законодательного состава деяния (предписанного в законе) от фактического состава (того, что произошло в действительности). Справедливости ради заметим, что германское уголовное законодательство более инструктивно и, в отличие от российского, не содержит соответствующих целеполаганий. Однако общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров за последние десятилетия оказывают мощнейшее влияние на развитие уголовного национального права. В ратифицированных Россией международно-правовых актах, как правило, определяется состав преступления. Несомненно, что для успешной консолидации сил и средств международного сообщества при противодействии преступным деяниям в идеале – единое понимание ключевых уголовно-правовых категорий. В частности, в настоящее время международное информационное взаимодействие правоохранительных органов по каналам «Интерпола» осуществимо только в области преступлений, поэтому необходимость дополнительного нормативного и семантического уточнения в сфере действующего уголовного законодательства чрезвычайно высока [10]. При этом заметим, что даже в процессе имплементации заимствованных норм суще-

ствует опасность слепого копирования уголовно-правовых понятий, имеющих отличное от российского юридическое и смысловое наполнение, в связи с чем подходить к этому процессу стоит максимально осторожно и избегать использования в УК РФ иностранной терминологии [11].

Потребность введения категории направленности, как специфической характеристики преступления или группы преступлений, связанных с посягательствами на один и тот же объект, определяется имеющейся необходимостью индивидуализации ответственности, преодоления формализма уголовно-правовых предписаний, в первую очередь – вины, психического отношения субъекта к содеянному как единству проступка и его социально значимых последствий.

Очевидно, что любое лицо, не имеющее психических расстройств и достигшее зрелого социального возраста, осмысливает и анализирует происходящие с ним события, способно отдавать отчет своим поступкам, желаниям, допускает определенный вариант своего поведения и т.п. Вместе с тем, формально-юридический подход не дает возможности оценить общественную опасность конкретного деяния, более того, не отвечает на вопрос, как предотвратить предполагаемое преступление со стороны этого и других лиц. Тогда как использование категории «направленность» позволяет конкретизировать, четко определить юридически значимые, квалифицирующие признаки цели и, порой, мотива деяния. В этой части проблема направленности деяния непосредственно связана с проблемой определения направленности личности делинквента и мотивации преступного поведения [12, с. 57].

Заметим, что при определении группы преступлений через призму рассматриваемой категории неизбежно возникает своего рода столкновение и даже конкуренция с уже имеющимся уголовно-правовым понятием «характер». Эти термины имеют существенные отличия: характер преступления составляет особенные признаки объективной стороны преступления, его внешнюю форму, тогда как направленность – специфическую связь умысла с объектом (объектами). При этом полагаем, что понятие «характер» в большей степени применимо к общественной опасности деяния (ч. 1 ст. 15 УК РФ), а его употребление в значении «характер преступления» является не вполне корректным.

В практической сфере понятия «характер» и «направленность» в отношении, например, коррупционных преступлений, отождествляются. В частности, документы Генеральной прокуратуры РФ и прокуратур субъектов (приказы, указания, информационные письма, обзоры, решения совещаний) в большинстве случаев содержат понятие «преступление коррупционной направленности». В качестве иллюстрации можно выборочно привести доклады прокуроров Тульской и Брянской областей, которыми в августе, сентябре 2019 г. доведена информация о выявленных фактах «недостовер-

* Сводный отчет ГИАЦ МВД России «Сведения о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экологической направленности» за 2007 год [7, с. 33].

ного отражения сведений об экономической и коррупционной направленности преступлений...»^{*}. Реже работниками надзорного органа используется формулировка «коррупционное преступление», еще реже – «преступление коррупционного характера».

Очевидно, что такому разнообразию в толковании способствует отсутствие нормативного определения понятий «направленность» и «характер» преступлений, что и вызывает в практическом аспекте затруднение их единообразного применения. В итоге правоприменителем в одном юридическом документе могут быть одновременно указаны термины «характер» и «направленность» преступлений, но при этом их совместное употребление, как правило, обусловлено не отличием в смысловом значении, а необходимостью избежать излишних повторов в юридическом тексте и удобством его восприятия. Тогда как, по мнению опрошенных нами опытных работников органов прокуратуры^{**}, вне зависимости от того, какое из этих понятий будет указано в перечисленных документах, его значение для правоприменителя (в данном случае прокурора) всегда предполагает умышленное корыстное преступление, предусмотренное, как правило, главами 23, 30 УК РФ, содержащее признаки коррупции, перечисленные в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»^{***}.

Более подробно рассмотрим возможность применения спорного понятия в частном случае на основе все того же коррупционного деяния. Так, при отнесении преступлений к категории коррупционной направленности их признаками должны быть следующие:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние направлено на получение им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц).

Учитывая, что характер преступления составляет особые признаки объективной стороны преступления, его внешнюю форму, тогда как направленность – специфическую связь умысла с объектом (объектами), соотнесем коррупционные преступления через призму рассмотренных уголовно-правовых понятий, – «характер» и «направленность».

Под преступлением *коррупционного характера* надлежит понимать умышленные, общественно опасные, уголовно наказуемые отступления от прямых прав и обязанностей должностными лицами, указанными в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующими от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанными в примечаниях к ст. 201 УК РФ.

Преступления *коррупционной направленности* представляют собой умышленные, общественно опасные, уголовно наказуемые отступления от прямых прав и обязанностей должностными лицами, указанными в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующими от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанным в примечаниях к ст. 201 УК РФ, *имеющим своей целью* получение имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц.

Как видно из предложенных определений, «характер» преступления связан только с его объективной стороной, определяется не родовым объектом посягательства или целями виновного лица, а законодательно установленной степенью опасности отдельных преступлений. Тогда как с практической точки зрения именно направленность преступления (а не его характер в юридическом смысле) позволяет определить связь умысла с объектом преступного посягательства, а в ряде случаев – верно установить основной непосредственный объект преступления, по которому производится квалификация деяния, составляет ядро направленности деяния и отражает особенности достижения предполагаемой цели преступления. В связи с этим Н.И. Коржанский видел логичную закономерность использования еще в первые годы становления Советского

^{*} В августе, сентябре 2019 года прокуратуры Тульской и Брянской областей потребовали обеспечить достоверность данных при формировании государственной статистической отчетности. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1689260/> (дата обращения: 25.09.2019).

^{**} Результаты проведенного анкетирования руководителей подразделений по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции в аппаратах прокуратур субъектов. Дата интервьюирования 20 сентября 2019 года.

^{***} О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ; в ред. от 26 июля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

государства категории «направленность преступления» для отделения группы уголовно наказуемых деяний, совершенных против основ рабоче-крестьянской власти, от группы всех иных криминальных деяний [13, с. 141].

Так как под «направленностью» в русском языке понимается целеустремленная мыслительная сосредоточенность и стремление к тому, что желаемо, то направленность преступления не может быть сведена только к отличительным признакам субъективной стороны отдельных преступлений, потому что отражает специфику отношения субъекта к объектам уголовно-правовой охраны, которым причиняется вред преступным деянием, и характеризует общественную опасность или направленность самой личности преступника. Поэтому справедливым видится суждение В. Кудрявцева и Н. Стручкова о том, что некоторые преступления возможно объединить в группы не только по признакам объекта, но и по характеру асоциальных побуждений их совершения и общих криминологических свойств личности субъектов [14, с. 8].

Таким образом, полагаем, что категория «направленность преступления» необходима не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Уяснение ее семантического и правового

наполнения поможет выявлению причин и условий, способствующих совершению деяний, объединенных этим понятием, преодолению формализма уголовно-правовых предписаний, индивидуализации уголовной ответственности. Стать отправным моментом в выявлении и раскрытии преступлений конкретной направленности, содействовать грамотному осознанному формированию статистических данных и употреблению этого термина специалистами-криминалистами, оптимизировать международное сотрудничество в противодействии транснациональной преступности и т.д. Для исключения сложностей толкования, обеспечения единообразного применения требуется закрепление соответствующего универсального определения. В целях внесения ясности в вопросе соотношения «характера» и «направленности» преступления непосредственно для правоприменителя видится целесообразным исключение из правовых актов высшего судебного органа, организационно-распорядительных и инструктивно-методических документов Генеральной прокуратуры РФ, других правоохранительных органов понятия «характер» преступлений.

Литература

1. *Сергун Е.П.* Научные подходы к определению понятия «Преступление экстремистской направленности» // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 4 (62). С. 140–143.
2. *Привалов А.В.* О значении направленности и характера преступлений для их классификации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 199–201.
3. *Расторопова О.В., Нечаев А.Д.* Преступления экономической направленности: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 212–224.
4. *Шевко Н.Р.* Образцы запросов по преступлениям экономической направленности и преступлениям в сфере компьютерной информации: учебно-практическое пособие / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Казанский юридический институт; составители Н. Р. Шевко и др. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 63 с.
5. *Афанасьева О.Р., Борисов А.В., Гончарова М.В. и др.* Преступления коррупционной направленности / Министерство транспорта Российской Федерации, Российский университет транспорта (МИИТ), Юридический институт. М.: Юридический ин-т МИИТа, 2018. 108 с.
6. *Иванов В.И., Корсаков К.А., Коршунова О.Н. и др.* Преступления террористической направленности: Уголов. преследование на досудеб. стадиях / под науч. ред. О.Н. Коршуновой; Ассоц. «Юрид. центр». СПб.: Юрид. центр пресс, 2003. 433 с.
7. *Поликыржа А.В.* Ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 33.
8. *Шалагин А.Е.* Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–141.
9. 2001.02.065. Состав деяния в германском уголовном пре (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право: Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 226–231.
10. *Кондрат Е.Н., Сальников М.В.* НЦБ Интерпола МВД России и противодействие преступлениям экономической направленности // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 164–174.
11. *Мельниченко А.Б.* Вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство // Философия права. 2008. URL: www.cyberleninka.ru (дата обращения: 20.09.2019).
12. *Сергун Е.П.* Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя РФ. М., Саратов: РПА Минюста России, 2011. С. 57.
13. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2005. С. 141.

14. *Кудрявцев В., Стручков Н.* Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей // Советская юстиция. 1972. № 1. С. 8–10.

References

1. *Sergun E.P.* Nauchnye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «Prestuplenie ekstremistskoi napravlenosti» // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava. 2008. № 4 (62). S. 140–143.
2. *Privalov A.V.* O znachenii napravlenosti i kharaktera prestuplenii dlya ikh klassifikatsii // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2014. № 2. S. 199–201.
3. *Rastoropova O.V., Nechaev A.D.* Prestupleniya ekonomicheskoi napravlenosti: ponyatie, priznaki, sistema // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2017. № 2. S. 212–224.
4. *Shevko N.R.* Obraztsy zaprosov po prestupleniyam ekonomicheskoi napravlenosti i prestupleniyam v sfere komp'yuternoi informatsii: uchebno-prakticheskoe posobie / Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, Kazanskii yuridicheskii institut; sostaviteli N. R. Shevko i dr. Kazan': KYuI MVD Rossii, 2019. 63 s.
5. *Afanas'eva O.R., Borisov A.V., Goncharova M.V. i dr.* Prestupleniya korruptsionnoi napravlenosti / Ministerstvo transporta Rossiiskoi Federatsii, Rossiiskii universitet transporta (MIIT), Yuridicheskii institut. M.: Yuridicheskii in-t MIITa, 2018. 108 s.
6. *Ivanov V.I., Korsakov K.A., Korshunova O.N. i dr.* Prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti: Ugolov. presledovanie na dosudeb. stadiyakh / pod nauch. red. O.N. Korshunovoi; Assots. «Yurid. tsentr». SPb.: Yurid. tsentr press, 2003. 433 s.
7. *Polikyrzha A.V.* Otvetstvennost' za nezakonnyuyu dobychu (vylov) vodnykh biologicheskikh resursov po rossiiskomu ugolovnomu pravu: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. S. 33.
8. *Shalagin A.E.* Transnatsional'naya prestupnost': ponyatie, priznaki, mery protivodeistviya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2016. № 3. S. 138–141.
9. 2001.02.065. Sostav deyaniya v germanskom ugolovnom pre (obzor) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal. 2001. № 2. S. 226–231.
10. *Kondrat E.N., Sal'nikov M.V.* NTsB Interpol MVD Rossii i protivodeistvie prestupleniyam ekonomicheskoi napravlenosti // Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki. 2016. № 7. S. 164–174.
11. *Mel'nichenko A.B.* Voprosy implementatsii norm mezhdunarodnogo ugolovnogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo // Filosofiya prava. 2008. URL: www.cyberleninka.ru (data obrashcheniya: 20.09.2019).
12. *Sergun E.P.* Nauchno-teoreticheskie voprosy v sfere ugolovno-pravovoi okhrany konstitutsionnogo stroya RF. M., Saratov: RPA Minyusta Rossii, 2011. S. 57.
13. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 4. Sostav prestupleniya. SPb.: Izd-vo prof. Malinina, 2005. S. 141.
14. *Kudryavtsev V., Struchkov N.* Bor'ba s umyshlennymi narusheniyami dolzhnostnykh, professional'nykh i grazhdanskikh obyazannostei // Sovetskaya yustitsiya. 1972. № 1. S. 8–10.

Поступила в редакцию 26 сентября 2019 г.

Received 26 September, 2019